

Черный миф о «больших программах» в СССР: от кампании против «поворота рек» - к расчленению «империи»

С.Г. Кара-Мурза
Профессор

Разрушение нашей страны происходило и происходит при нашем попустительстве. В последнее время наконец-то наше внимание сдвинулось от злых умыслов и хитростей "закулисы" к нам самим - к нашей доверчивости, слабости, податливости к соблазнам. Понятно, что разговор стал болезненным, приходится затрагивать что-то "наше", часто очень дорогое. Этого не избежать, потому что именно "наше" и именно "дорогое" только и могло стать эффективным инструментом разрушения - удары извне распознаются и отводятся легче.

С этой проблемой я в полной мере столкнулся, когда поднял вопрос о роли Владимира Высоцкого в той поэтизации преступника, без которой было бы невозможно так быстро и успешно криминализовать наше общество, как это удалось "реформаторам". А ведь Высоцкий - талантливый и близкий нам поэт, большое явление нашей культуры. Разве может такое явление быть губительным для народа?

Так рассуждают люди, и выходит, что любой такой разговор они воспринимают как требование "отказаться от Высоцкого" - или заткнуть уши, отвергнуть сам разговор. Они его воспринимают так: "бьют своих!". Это - ошибка, причем очень важная, она парализует наш диалог и нейтрализует наши защитные силы.

Выскажу общую вещь: сложная система успешно разрушается ее собственными элементами, если разрушителю их удастся "перепрограммировать". Бывает, что такая подмена программы происходит незаметно для этого элемента (скажем, поэта, артиста, офицера), а бывает, что и с его согласия (это уже "перевербовка"). Типичный случай - действие болезнетворного вируса на организм. Он же сам не производит губительных ядов, он только вводит свою программу в собственную клетку организма (даже очень дорогую для организма клетку, например, нервную). И клетка начинает производить и множество таких же вирусов, и яды, отравляющие организм. А ведь клетка по сравнению с вирусом - это целая страна. Но если мы говорим о программе, по сигналам которой начинает действовать клетка, это же не значит, что мы ее ненавидим и требуем от нее "отказаться".

Те "наши", которые создают духовный продукт длительного пользования, как поэты или певцы, могут лично даже и не действовать по ложной программе. Эта программа может сводиться к перестройке давно отданных в общество культурных ценностей - к перестройке их конфигурации, к новому толкованию, новой расстановке акцентов и т.д. То есть, к созданию новых связей между уже существующими "атомами" культуры. Если мы обращаем внимание на то, что эти новые связи придают дорогим для нас ценностям новое, непредвиденное разрушительное качество - разве это означает, что мы эти "атомы", эти ценности отвергаем? Нет, мы отвергаем ту качественно новую систему, что возникла вследствие наложения на эти ценности новых связей, ту "программу вируса", что деформировала дорогую нам клетку. Вот, на церемонии присуждения своей премии В.Г.Распутину Солженицын похвалил его за то, что смысл повести "Живи и помни" якобы в сочувствии дезертирам. Это - совершенно новое толкование, создание новых связей между этой культурной ценностью и всей нашей жизнью. Но попробуй скажи об этом - каждый патриот встрепенется: "Руки прочь от Распутина!".

Такое восприятие показывает, что мы сильно сдали в уровне рассуждений, мы отходим от канонов Просвещения и тяготеем к такому упрощению, за которым маячит уже и призрак изуверства. По мне, так это отход и от культуры Православия, сродни тому, какой бывает при снижении с религиозного уровня к суевериям.

Эту оговорку, которая, быть может, важнее всего того, что будет сказано ниже, я делаю именно потому, что ниже объектом анализа будут вещи, для многих очень близкие и дорогие. Не на благородные порывы и движения души бросаю я тень, а на ту систему связей, которую наложили на эти порывы отравители наших колодцев. И еще раз напомню - на первом этапе они не привнесли нам никакого нового материала, они использовали те духовные силы и продукты культуры, которые были в нашем обществе, только структурировали их по-новому. Наш, родной хлеб они сделали ядом. Не говорить об этом нельзя. Итак, начнем разговор по существу.

"Реформа" как подрыв устоев цивилизации. Тяжелейшее положение, в котором оказались разогнанные республики СССР, во многом вызвано тем, что организованная номенклатурой антисоветская "революция" имела регрессивный, антицивилизационный характер. Мы уже отмечали, что речь идет не о реставрации и даже не о контрреволюции и "откате назад". Это именно новая революция, подготовленная и осуществленная социальными силами, выращенными в лоне советского строя. Они не предполагали и не могут восстанавливать досоветский тип жизнеустройства, это разрыв непрерывности, разрыв со всей нашей цивилизационной траекторией.

Однако приходится все же брать слово "революция" в кавычки, потому что в наш мыслительный аппарат слово революция вошло как обозначение такого радикального разрешения противоречий, при котором открывается простор для развития производительных и духовных сил общества (пусть и через этап хаоса и страданий). Это всегда выражается бурным всплеском духовной деятельности - в поэзии, живописи, науке. Напротив, антисоветский поворот в СССР прежде всего поражает своим духовным бесплодием, даже, скорее, своим мертвящим воздействием на всякое творчество.

Профессиональные свершения певцов этого поворота - М.Ростроповича, Ю.Любимова и др. - вызывают тягостное чувство как зрелище утраты художественного чувства и такта, которые все-таки были у них, когда они боролись против советского строя, питаясь его соками. Попытки слепить что-то из реставрированных с помпезностью имперских реликтов бесплодны - где же в них импульс революции? Даже "чернуха" Кабакова и Петрушевской сникла, как сникает проколотый пузырь самиздата, когда его становится можно печатать. "У злых людей нет песен", - сказал Ницше.

Но это - симптомы, а здесь давайте говорить о болезни и ее происхождении, в том числе о тех сдвигах в сознании, которые позволили болезни овладеть организмом. Надо извлекать уроки, иначе и лекарства не найти. Сам организм нашей культуры может и не справиться - идет процесс саморазрушения.

Рассмотрим здесь одну большую концепцию, которая сыграла важную роль в дискредитации советского строя, но и имела гораздо более далеко идущие последствия. Это - принципиальное, мировоззренческое отрицание больших созидательных программ (**"проектов века"**). Разумеется, большие программы всегда присутствовали при становлении больших стран, а тем более цивилизаций. Однако именно при советском строе с его плановым хозяйством появилась возможность в короткие сроки концентрировать средства на большом числе крупных проектов, и в идеологии оказалось легко представить такие проекты как порождение тупой "административно-командной системы", в которой якобы все думали только о том, как угробить побольше ресурсов ("экономика работала на себя, а не на человека").

Создание черного мифа о "проектах века" выполняло много задач. Людей готовили к принятию общественного строя, при котором - ура! - не будет строиться ничего, а все средства будут присваиваться "людьми" (очень немногими) и вывозиться в цивилизованные страны. Как это ни нелепо звучит, но именно отсутствие всякого строительства какое-то время действительно было козырем правительства Гайдара и Черномырдина.

Но главное, внедрение отрицательного отношения к "проектам века" эффективно подрывало легитимность советского строя. Это отрицание, которое кропотливо выращивалось под прикрытием нравственных и художественных воздействий, так глубоко укоренилось в массовом сознании, что до сих пор само словосочетание "*проекты века*" остается таким ярлыком, который почти не оставляет места для дискуссии. Был создан устойчивый стереотип, на активизации которого в подсознании затем строилось множество идеологических программ, направленных через отрицание "вмешательства в природу" и "перераспределения ресурсов" против всего советского проекта и далее - против идеи большой страны.

Учитывая состав движущих сил антисоветской "революции" (союз "приватизаторов" с геополитическим противником СССР в холодной войне), можно понять, что главными мишенями атаки на большие программы была вся советская программа индустриализации и программа создания современной системы вооружения, дающая СССР военный паритет с Западом. Ядром этой второй большой программы была космическая программа.

Образ обеих главных советских "программ века" был настолько опорочен в массовом сознании, что люди, которые еще недавно выходили на улицы встречать космонавтов, как на большой праздник, равнодушно согласились на почти полный демонтаж программы, которая не только надежно обеспечивала безопасность страны, но и давала большие экономические выгоды. Исследования сдвига людей к антисоветским установкам выявили их связь с *архаизацией* мышления, склонностью к антинаучным взглядам, появлением суеверий и т.п. Что же касается индустриализации, то здесь деформация сознания достигла философской глубины. Люди перестали видеть прямую связь даже их личного благосостояния с развитием отечественной промышленности. На этот счет надо сделать небольшое отступление.

Стереотип отказа от индустрии. Сейчас стало общепризнанным, что почти на всей территории СССР происходит *деиндустриализация*. Это официально признали высшие должностные лица в середине 90-х годов, и с тех пор положение не изменилось. Деиндустриализация, то есть уничтожение промышленной системы огромной индустриальной страны, - явление в мире небывалое и истории не известное. Ни одной побежденной в "горячих" войнах стране таких условий не ставили. Небольшой эксперимент проводят над Ираком, но ни в какое сравнение с нами это не идет, так как режим власти там сменить не удалось. Кроме того, в Ираке разрушение их промышленности ни у кого радости не вызывает.

Вопрос в том, может ли промышленно развитая страна, лишившись промышленности, одновременно не претерпеть других видов распада - культурного, правового, демографического. То есть, уцелеть как цивилизованная страна со своим местом в истории. На основании всей совокупности данных, которыми я располагаю как научный работник именно в этой области, я ответственно заявляю, что нет. Деиндустриализация означает полное, по всем позициям, разрушение страны как цивилизованного общества.

Еще в 1996 г. в диалоге с читателем, которого я условно и ласково назвал "обиженным гунном", я высказал мысль, которая раньше мне казалась очевидной: деиндустриализация промышленно развитой страны, какой был СССР, неминуемо

означает "децивилизацию" - утрату важных сторон общей культуры вообще, а вовсе не возврат к какой-то иной, исконной российской цивилизации. Те, кто с радостью поддерживает этот процесс, который составил главное содержание горбачевско-ельцинских реформ, выступают как необычные варвары, разрушающие не чужую, а свою цивилизацию. Хоть и под крики о "возвращении в цивилизацию".

Но оказалось, что этот вывод для многих вовсе не очевиден. Например, автор одного обстоятельного письма не видит большой беды в том, что Россия утрачивает признаки индустриальной цивилизации, ибо не признает, что в ней - залог нравственности и любви к Родине. "Наше крестьянство в 1812 г. жило при лучине и вне индустриальной цивилизации, но крепостные крестьяне не разбежались по углам России, не забились по своим огородам, как нынешние горожане по садовым участкам, а организовали отряды и били французов, защищая свое Отечество от супостата". Автор приводит еще ряд таких же доводов и делает вывод: "Бегство из индустриальной цивилизации не влечет обязательного следствия: возвращения к варварству в себе".

Это - важная мысль, и в ней надежда многих. Мол, вернемся лет на двадцать к лучине, перетерпим, зато нравственность и духовные устои сохраним. Я эту надежду не разделяю и вот почему. Одно дело - жить при лучине и пахать сохой, постоянно улучшая свой материальный мир. Это - *культура*, в которой рождался и Сергей Радонежский, и Ломоносов, и Пушкин. Совершенно иное дело - регресс, разрушение культуры. Крестьянин и без водопровода чистоплотен. Большой город, в котором разрушен водопровод и канализация, превращается в клоаку и очаг эпидемий. Возвращение в доиндустриальную эру уже невозможно - существующая масса людей при этом должна будет вымереть. Реально люди озвереют и перебьют друг друга в борьбе за скудные ресурсы. Идиллические вздохи о золотом веке и жизни на природе хороши для плохих поэтов. Если бы мы сегодня отказались от автобуса и метро и вздумали ездить на лошадях, города задохнулись бы от конской мочи.

Человек возник из животного, когда стал создавать свой особый искусственный мир - технику, техносферу. В ней время "выпрямилось" и стало необратимым - возник технический прогресс. Мы не вполне понимаем его законы и не всегда умеем его обуздать. Возможно даже, что техника когда-то погубит человека. Но пока что "стрела времени" у человечества направлена в сторону непрерывного развития техники и освоения мира.

Если брать вопрос глубоко, то тип цивилизации (а значит, тип духовности, нравственности, мышления) не определяется техносферой. В основе его лежит господствующее представление о мире, об обществе и о человеке. Япония - высокоразвитая индустриальная страна, но это - типичная аграрная цивилизация с одухотворением природы и общинно-сословным представлением о человеке. И Япония очень гибко воспринимает технику и политические порядки Запада - индустриальной цивилизации. Аграрной (крестьянской) цивилизацией была и Россия (а потом СССР), как марксисты ни пытались опровергнуть в этом вопросе народников. Поэтому советские люди - и рабочие, и инженеры - в 1941 г. были очень похожи на русских людей в 1812 г., хотя управляли танками, самолетами и ракетными установками.

Но не будем брать так глубоко, посмотрим на цивилизованность в обыденном смысле - на возможность устойчиво и достойно сосуществовать в обществе большому числу людей. Даже на этом уровне влияние техники гораздо сложнее, чем считает автор того письма. Важно не отдельное техническое средство - лучина у тебя или люстра, - а вся сумма ресурсов, которые техника предоставляет обществу для жизни и ее воспроизводства. И здесь "стрела времени" жестока. Регресс неизбежно ведет к разрушению морали.

В XIX веке смерть ребенка от кори или пневмонии была горем, но не признаком безнравственности. Сегодня, после того как мы несколько десятилетий пользовались надежными средствами предупреждения и лечения этих болезней, высокая смертность детей из-за отсутствия лекарств или денег у родителей означает нравственное одичание. Из докладов Минздрава РФ видно, как по мере продвижения реформы Гайдара-Чубайса-Грефа тают ресурсы здравоохранения России и накатывает вал болезней, которые еще вчера были совершенно не страшны для нашего общества, о которых мы уже и забыли.

И дело не только в ресурсах. Человек не может вернуться в "жизнь без электричества" без слома культуры потому, что он сам стал иным, даже физиологически. Поражаться надо, как быстро это происходит. В прошлом веке было нормально: "пишу, читаю при лампаде". Свеча была уже вполне достаточным освещением целой комнаты. Еще в конце сороковых годов, после войны, у керосиновой лампы семья нормально читала, дети готовили уроки. Люди моего поколения это помнят. Попробуйте сегодня почитать при свече. Уже невозможно, наше зрение перестроилось.

На Западе было немало утопических движений "возврата к Природе", бегства от города (так называемый *неорурализм*). Переселенцы образовывали сельские общины и жили своим трудом, отказываясь от современной техники - удобрений, электричества, тракторов. И происходила удивительная вещь - у этих людей очень быстро грубели нравы, и они ожесточались. Еще недавно добрые и даже восторженные люди поголовно начинали избивать своих детей. При утрате ставших привычными ресурсов они не превратились в крестьян, они одичали.

Что же происходит у нас? Ликвидация промышленности, которая обеспечивала нашу жизнь, вызвала быстрое сокращение доступных для населения ресурсов, сужение всей техносферы, в которой мы живем. Пока что мы этого не ощущаем катастрофически, ибо огромны были запасы ресурсов, накопленные в СССР (избыточные запасы считались дефектом плановой экономики, а сегодня этот дефект обернулся спасительной стороной). Но обвал не за горами, правители ведут корабль на скалы уверенной рукой.

Есть ли признаки того, что оскудение доступных среднему человеку ресурсов размывает устои цивилизации в самом простом, элементарном смысле? По мне, такие признаки на каждом шагу. Нищие и бездомные, шныряющие беспризорники, которые уже не ходят в школу, мешочники на всех вокзалах, вшивость, которой не было с войны. Страшное убожество, на грани идиотизма, популярных песен, гремящих из каждого киоска. Но это - социальная косметика, главное видно меньше. Быстро сокращается главный ресурс современного общества - энергия.

Уже сейчас даже России выделяется скудный паек, лишь для освещения и обогрева, чтобы избиратели нос не вешали. Остальное идет на экспорт. Правители завершают оформление передачи своим западным компаньонам основных месторождений энергоресурсов. Останавливаются целые отрасли, причем чуть ли не в первую очередь те, которые обеспечивают самую примитивную цивилизованность. Это - в России, а в большинстве других республик положение еще хуже, а в Грузии и Армении оно отчаянное.

Вот красноречивый показатель: в СССР достигли высокого показателя - 90% потребляемого мяса получалось из скота, забиваемого в промышленных условиях, с надежным санитарным контролем и полным использованием животных продуктов. Сейчас во многих регионах этот показатель снизился до 10% - скот забивается на подворье, зачастую самым диким образом, а мясо сбывается прямо на шоссе или в подворотнях.

Деиндустриализация - неведомый миру процесс, и трудно предсказать, как вообще поведет себя при этом техносфера. Не взбесятся ли нефтехимические комбинаты, лишенные запчастей, контрольных приборов и квалифицированных аппаратчиков? Справятся ли машинисты с поездами, когда из систем сигнализации и блокировки будут выломаны на продажу последние медные детали? Изуродованная техносфера выходит из-под контроля.

И все же, главные травмы - душевные. По каким точкам в социальном организме ударила деиндустриализация и вытеснение из рабочих коллективов огромных масс людей? Прежде всего по тем, которые уязвимы для стресса. Идет эпидемия "болезней страха и тоски". Резко возросла заболеваемость язвой, болезнями крови и кроветворных органов. Одновременно быстро растут масштабы преступного насилия со стороны обезумевших обедневших людей. Они калечат и убивают друг друга за копейку, даже за мираж копейки. А ведь это пока что только предчувствие безработицы.

Конечно, у кого-то страх и тоска вызовет душевный подъем, разбудит благородные чувства, но в целом это - фактор социального падения. И меньше всего против этого защищена молодежь. Вот доклад Комитета РФ по делам молодежи (еще при правительстве Ельцина!): "Более трех четвертей молодых людей испытывают чувство неудовлетворенности жизнью. Фиксируется быстрое нарастание (за год в два раза) страха перед будущим. В структуре конкретных страхов на первом месте страх перед войной на национальной почве, далее идут одиночество, бедность, болезнь, бандитизм, возможность потерять работу, голод. Страхи такого рода для российской молодежи являются во многом новыми и потому парализуют волю ее значительной части... На шкале ценностей значительно снизилось значение ценности человеческой жизни. Существовавшая тенденция на снижение числа самоубийств прервана. Количество самоубийств резко возросло и будет увеличиваться".

При опросах среди молодежи, составляющей 32 млн. человек, 6% заявили, что согласны убить человека, если им хорошо заплатят. Конечно, храбрятся - но ведь это 2 миллиона молодых людей, думающих про себя, что могут это сделать!

Повторяю, что все это еще не привело к слому, катастрофе, потому что оказалась неожиданно высокой, даже необъяснимой прочностью и советской морали, и советской техники. Народ стихийно (и даже, можем сказать, подпольно) сопротивляется одичанию, и основная масса людей проявляет поразительную нравственную стойкость. Но эти ресурсы не вечны, как не вечны ресурсы советских самолетов, поездов метро и рижских электричек. Не подкрепляемые строем жизни и материальными средствами, все это изнашивается.

И не надо, как некоторые, вспоминать войну - и тогда, мол, было трудно, а народ не одичал. Тогда ненормальные материальные условия компенсировались душевным подъемом и солидарностью - было много горя, но не было тоски и апатии, не было моря брынцаловской водки. И главное, само государство и его идеологическая машина - радио, кино, пресса - старались людей укрепить и поднять, а не задавить и духовно растлить.

Проект "поворота рек" - полигон для отработки подрыва "больших программ". Не пытаюсь облегчить себе задачу, возьму как объект рассуждений самый крайний случай, который, похоже, никто не осмеливался ставить под сомнение - проект "поворота рек".

Случай этот я рассмотрю в двух планах. Во-первых, тема была выбрана идеологами перестройки как наиболее плодотворная для того, чтобы создать прецедент очернения большой программы советского типа и парадигму для такого очернения - набор

постулатов, аргументов и инсинуаций для подрыва легитимности любой большой программы. Плодотворной эта тема была потому, что позволяла легко объединить в отрицании несовместимые по многим другим вопросам течения - либералов-западников и патриотов-почвенников. Создать союз Валентина Распутина с Нуйкиным. С другой стороны, отрицание этой программы, на первый взгляд, не затрагивало прямо жизненные интересы большинства населения центральной части СССР, что упрощало манипуляцию их сознанием. Недовольство "азиатов" только придавало пикантности спектаклю и было лишь на руку перестройщикам.

Во-вторых, мощная кампания по дискредитации программы "поворота рек" ошарашила людей так, что ни одного голоса не раздалось против самой постановки вопроса, против той тоталитарной и шизофренической логики, с которой идеологи подошли к одной из принципиальных проблем бытия и которая отныне задавалась как стандарт.

Методологический успех кампании виден хотя бы из того, что не только сторонние наблюдатели (читатели, телезрители), но и та сторона в дебатах, которая оборонялась и оправдывала программу "поворота рек", не смогли вырваться из заданной идеологами схемы. Нельзя предположить, что специалисты, сторонники программы, цинично разыграли вместе с идеологами спектакль, не обратившись к обществу с принципиальными положениями. Скорее, они мямлили что-то невразумительное в силу номенклатурного конформизма, следуя сигналам "из очень большого дома". Так же, как генерал Родионов не осмелился в 1989 г. на заседании Верховного Совета СССР откровенно сказать, как было дело в Тбилиси. Не осмелился - и стал соучастником Собчака в огромной провокации, потрясшей основы государства.

То, что кампания против "поворота рек" навязала обществу совершенно новый тип постановки и обсуждения проблем, который исключал диалог и обращение к здравому смыслу, было результатом огромной важности. Он задал "тип мышления" всей перестройки и затем ельцинской реформы. Важно подчеркнуть, что этот результат был важен сам по себе, он не зависел от того, верно ли по существу или ошибочно отрицание программы "поворота рек". Хочу настойчиво подчеркнуть этот методологический момент: анализируя реальную кампанию против "поворота рек" как большую и важную акцию по манипуляции общественным сознанием, я вовсе не претендую на то, чтобы доказать благотворность этого проекта. Можно допустить, и, возможно, бывают в действительности случаи, когда с помощью обмана и манипуляции проводятся в жизнь разумные решения. Я лично в это мало верю, но спорить с этим не буду, чтобы не терять времени. Так или иначе, при этом обществу наносится большой долгосрочный вред, поскольку человека подталкивают к тому, чтобы он стал "человеком толпы".

В случае кампании против "поворота рек" главным было превратить людей в марионеток, не способных возражать или хотя бы рассуждать про себя. Этого было легче добиться, взяв в качестве объекта мысль верную или хотя бы очевидную. А затем можно было распространить тот же способ утверждений на заведомо ложные идеи. Это и удалось, так что сегодня люди привычно, не вздрагивая, читают такое, например, утверждение академика-экономиста: "экономика СССР была подорвана индустриализацией".

С самого начала инициаторы кампании задали ей стиль, исключая возможность диалога и рассуждений. Те, кто поначалу пытался отстаивать программу, были представлены как коррумпированные бюрократы, сознательные разрушители природы и церквей, чуть ли не враги народа. Сразу же делались угрозы в адрес тех, кто мог бы их поддержать. Академик А.Л.Яншин, председатель Научного совета по проблемам биосферы АН СССР писал: "Имена покровителей министерства [Минводхоза] мы узнаем лишь в будущем, но делало оно свое темное дело вполне сознательно и агрессивно".

В этих условиях сомневающиеся сразу замолчали. Кампанию в прессе отличал жесткий тоталитаризм. Ни тени сомнений! Противники "поворота рек" не сказали: "Да, неплохо было бы подкинуть воды в Среднюю Азию, но лучше бы перебрасывать не через Тургайский прогиб, а восточнее километров на двести". Или так: "Да, Средняя Азия задыхается без воды, но сразу пустить им 27 км - жирно будет. Надо проект вести не в два этапа, а в четыре". Много могло быть вариантов возражений, но отрицание сразу было доведено до абсолюта: "Никакой переброски рек!".

Я не буду здесь касаться уже довольно хорошо известной "инструментальной" стороны дела - того, что внешне нейтральная экологическая тематика была той платформой, на которой организаторы антисоветского переворота объединили людей для первых политических акций. Водные проблемы были в этой кампании одной из забойных тем. Примечательно, что кампанию вели возбужденные перестройкой группы гуманитариев и тех, кто туманно называл себя "экологами". В эти группы не допускались ни специалисты, много лет работавшие над проблемой, ни практики (например, хлопководы). А.Л.Яншин называет в качестве самой полезной инициативы крупную экспедицию в Приаралье, организованную в 1988 г. журналом "Новый мир". В нее вошли "писатели, журналисты, экологи, фото- и кинодокументалисты... В обращении участников экспедиции к правительству страны была проанализирована сложившаяся в Средней Азии ситуация и даны рекомендации по немедленному решению возникших здесь экологических и социальных проблем". Съездил фотограф с хорошей компанией - и сразу увидел, как немедленно решить проблемы Средней Азии!

Таким образом, вот - пусковой мотор, запустивший машину разрушения страны. Разумеется, когда мавр сделал свое дело, ему велели уйти, и все это "экологическое движение" как корова языком слизнула. С.Залыгин получил свой льготный билет на Новодевичье кладбище - и дело с концом, нечего об этом и говорить. Поговорим о тех занозах, которые эти мавры надолго вбили в общественное сознание.

Культурная поддержка кампании. Необходимым условием для обеспечения благожелательной пассивности масс в ходе номенклатурной "революции" было глубокое, хотя бы и временное, изменение в сфере культуры. Нужно было на момент вырвать человека из традиций и исторической памяти, из-под влияния отечественной культуры, и сделать "человеком массы" - особым культурным типом, которого ранее Россия не знала. Конечно, эта большая программа перестройки культуры интенсивно выполняется и после победы "реформаторов", однако в долговременном плане ее успех маловероятен (точнее, он преобразуется в физическое вымирание народа, а это не одно и то же). Но в конце 80-х годов идеологической машине Горбачева удалось с неожиданным успехом осуществить "*толпообразование*" - превращение политически активной части многомиллионного народа в толпу.

Человек толпы утрачивает чувство ответственности, что и порождает наркотизирующее состояние свободы, необычного счастья. Под влиянием слов пошлых и некрасивых ораторов, которых он в другое время и слушать бы не стал, человек толпы легко и с радостью соглашается крушить ценности, питающие всю его материальную и духовную жизнь. Парадокс в том, что это он может делать под влиянием разожженного в нем теми же ораторами эгоизма. Главная задача ораторов - отключить в человеке способность видеть связь между "корнями и желудями".

Массовая, если не всеобщая, утрата присущего человеку умения схватывать причинно-следственные связи, которая случилась тогда в нашем обществе, есть культурное и социальное потрясение даже более глубокое, нежели утрата рассудка немцами в момент фашистской революции. Самоубийственность проекта фашистов просматривалась лишь через три-четыре логических этапа, поначалу были видны этапы строительства и развития. В конце 80-х годов в СССР людей соблазнили

проектом разрушения и деиндустриализации - проектом разрушения самих основ жизнеобеспечения.

Люди равнодушно (если не с радостью) приняли весть о прекращении капиталовложений в тяжелую промышленность и прежде всего в энергетику. Из этого прямо и однозначно вытекала массовая деградация и ликвидация рабочих мест уже через семь-десять лет, а значит, утрата людьми источника их существования. Прорывались редкие голоса (как на I Съезде народных депутатов СССР), что при этом и обещанное изобилие товаров ширпотреба будет не нужно из-за исчезновения самих потребителей. Никакого отклика эти голоса не имели.

Такое изменение сознания достигалось с помощью множества "небольших" наркотизирующих инъекций - идей, разрушающих логику и здравый смысл. Вот мелкая, но принципиально важная акция - очернение и осмеяние образа И.В.Мичурина. Впечатляет сам факт, что в массовом сознании удалось осмеять и опорочить образ труженика, который всю долгую жизнь занимался выведением морозоустойчивых яблонь и продвижением садов в холодные области России. Тот факт, что образ этого человека был канонизирован в советской идеологии, не меняет дела, ибо канонизирован был именно его скромный и умелый труд - над чем же тут можно было смеяться? Замечу к тому же, что ни натурфилософия Мичурина, ни его труд не содержали ни капли антиприродного, разрушительного импульса - в противоположность пафосу западной науки, который так восхищал хулителей Мичурина.

Сам экспериментальный метод создавался отцами научной революции как "допрос Природы под пыткой". Анри Пуанкаре писал о нем: "Сгибать природу так и эдак, покуда она не приножится к требованиям человеческого рассудка". Исследуя становление современного Запада, М.Фуко пишет: "Допрос был юридически-политической матрицей для того экспериментального знания, которое было быстро разблокировано в конце средневековья. Как математика в Греции родилась из процедур измерения и меры, так и науки о природе, во всяком случае частично, родились из техники дознания в конце средних веков. Великое эмпирическое познание... имеет, без сомнения, свою операциональную модель в Инквизиции - всеохватывающем изобретении, которое наша стыдливость упрятала в самые тайники нашей памяти". Некоторые генетики, на которых совершил налет их конкурент Лысенко, были энтузиастами евгеники - искусственного выведения улучшенной породы людей, но за время перестройки им не было брошено ни одного упрека. А ведь тут речь идет о "переделке природы" куда как более опасной, чем улучшение антоновских яблонь.

Поражение сознания видно в том, что главным объектом издевательств была сделана в общем-то банальная фраза Мичурина: "Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее - наша задача". Ведь в этой фразе не к чему придраться, ее разумность очевидна. Попробуйте переделать издевательство над этой фразой в положительные утверждения. Таковых можно сделать только два, и оба они нелепы: 1) мы можем ждать милостей от природы, самим брать у нее ничего не надо; 2) нам не нужны никакие блага от природы, мы и без них проживем. В форме пословиц эквивалентом фразе Мичурина является "Без труда не вытащишь рыбку из пруда", но попробуйте поиздеваться над этой поговоркой - любой удивится.

Таким образом, культурная подготовка к атаке на советские "большие программы" доходила в своем разрушительном действии до уровня "элементарных частиц" цивилизации, буквально до отрицания любого акта труда. Ибо труд и есть деятельность по "взятию милостей у природы" - целенаправленная деятельность по преобразованию природы в целях удовлетворения потребностей человека.

Вернемся к нашему объекту - программе "поворота рек". В ходе кампании против этой программы были интенсивно использованы произведения писателей, отражавших извечную трагедию столкновения личности ("маленького человека") с цивилизацией, с потребностями общества, вынужденного даже для своего выживания изменять окружающую среду в больших масштабах. Многие такие произведения несли в себе более или менее явный антицивилизационный мотив. При этом они не поднимались до диалектического осмысления трагедии (как это сумел сделать А.С.Пушкин в "Медном всаднике"), а концентрировали все внимание на бездушности прогресса и его носителей. В идеологических кампаниях перестройки этот мотив эксплуатировался с огромным перебором и, к сожалению, сами писатели редко охлаждали своим словом эту демагогическую страсть.

Так, на первый план тогда была выдвинута повесть В.Распутина "Прощание с Матерой". Прекрасное произведение стало инструментом манипуляции сознанием. Само слово "водохранилище" приобрело какой-то зловещий, антигуманный оттенок. Это стало важным подкреплением кампании против "поворота рек", поскольку его программа сводилась к созданию каналов и водохранилищ.

Пресса, не приводя конкретных данных и даже суждений, сумела с помощью намеков и эмоциональных вскриков создать впечатление, будто в целом строительство в СССР водохранилищ было разрушительной программой и привело к затоплению огромных ценных угодий и бесчисленных культурных ценностей.

На деле в СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ, вмещающих 1200 км воды. Они позволили резко улучшить окружающую среду, построить большую систему водных путей, урегулировать сток множества рек, получать огромное количество электроэнергии и орошать 7 млн. га земли. Как сказано в одном из академических трудов, "подавляющая часть водохранилищ, как показал опыт длительной их эксплуатации и изучения, успешно выполняет свои функции, и положительный эффект на несколько порядков превосходит размеры ущерба, причиненного созданием водохранилищ".

Что касается затопления ценных угодий, то реальность такова. При строительстве водохранилищ было затоплено 0,8 млн. га пашни из имевшихся в СССР 227 млн. га. Конечно, и 0,8 млн. га немало, но надо же ввести какую-то меру. Ею может служить тот факт, что за 80-е годы только в Нечерноземье РСФСР из-за нехватки трудовых ресурсов выбыло из оборота и заросло кустарником 4 млн. га пашни. А сколько пашни заросло кустарником в ходе нынешней рыночной реформы? По всем республикам СССР у меня данных нет, а в РФ заброшено 30 млн. га сельскохозяйственных угодий.

Фактологическая сторона кампании. Сегодня, когда на "чуть посвежевшую" голову читаешь как материалы самой программы, так и выступления борцов, начиная с Залыгина, поражает чудовищное искажение в кампании сути вопроса и умолчание самых необходимых для понимания вопроса фактических данных. Если попытаться кратко выразить принципиальное требование противников программы, то оно оказывается полностью абсурдным. Оно ведь выглядит так: "Не троньте северные реки!". Отвергался не конкретный технический проект (место преодоления водораздела, схема каналов и водохранилищ и т.д.), а именно сама идея "преобразования природы".

По сути, вопрос ставился до предела фундаментально: "Не троньте Природу!". Причем эта предельная фундаментальность превращалась именно в предельную абсурдность потому, что касалась воды и звучала почти буквально как "Не троньте воду!". Организаторов кампании якобы возмущала сама идея перемещения воды в пространстве. Как это так - взять воду в Оби и переместить на Юг! Мол, Бог направил Обь на Север, так не троньте. И запрет этот звучал настолько тоталитарно, что

никогда в нем не вставал вопрос о количественной мере. Дескать, вы хотите слишком много взять из Оби, возьмите поменьше. Запрет был абсолютным, но никто не спросил: а пойти к колодцу, вытащить ведро воды и отнести домой - разве не такое же изъятие и переброска воды? Где предел количества и расстояния, который вы накладываете на переброску? Нет, в таком ключе говорить не позволили.

Красноречива такая сторона дела: во всей дискуссии не было сказано об исторических корнях программы. Дело было представлено таким образом, будто "проект века" есть типичное порождение технократического советского ("сталинского") плана преобразования природы, который имел логическим следствием опустошение земли, высыхание Аральского моря и ликвидацию "неперспективных деревень". Борьба против "поворота рек" сразу стала трактоваться как мессианская борьба против Голиафа "административно-командной системы".

В действительности проект переброски воды из бассейна Оби и Иртыша в бассейн Аральского моря был предложен выпускником Киевского университета Я.Г.Демченко (1842-1912) в 1868 г. (история эта изложена в статье А.П.Кошелева "О первом проекте переброски сибирских вод в Арало-Каспийский бассейн" - "Вопр. истории естествознания и техники", 1985, № 3). Вернее, эту идею он впервые изложил в седьмом классе 1-й Киевской гимназии в конкурсном сочинении "О климате России". В 1871 г. вышла книга Демченко "О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилежащих стран", а в 1900 г. вышло второе, переработанное издание книги под тем же названием. Свою записку в Русское географическое общество, в которой он предлагал начать топографические работы, Демченко закончил словами: "Придет время, когда русские будут дрожать над каждым клочком годной земли, подобно французам и голландцам".

Как и в случае многих других больших программ, в царское время возможности реализации этого проекта не было, банкам большие программы развития России тоже были не нужны. Газета "Биржевые ведомости" писала: "Мы советовали бы г. Демченку всю выручку за свою книжку пожертвовать в основной фонд "для наводнения Арало-Каспийской низменности", - тысяч через пять-десять лет капитал этот с процентами, конечно, будет достаточен для того, чтобы сочинить потоп Европы и Азии".

Сразу после Октября исходить в жизненных целях стали не из капитала с процентами, и проект приобрел актуальность. Таков был интерес к нему, что уже в гражданскую войну делались попытки послать экспедицию в Сибирь. Из-за нехватки средств водораздел осмотрел только один инженер, который дал заключение о "возможности захвата сибирского водосбора для обводнения Иргиз-Тургайского района". Затем был разработан целый ряд проектов, и с 60-х годов началась планомерная научная работа над программой.

Таким образом, запомним этот факт: в конце 80-х годов XX века политизированные интеллектуалы начали бурную кампанию против программы, которая вынашивалась научной и общественной мыслью России с 60-х годов XIX века. Но представили они эту программу как порождение "тупой советской системы". Это примечательный штрих.

Но вернемся к фактам. Вода - один из важнейших факторов окружающей среды и едва ли не важнейшее природное сырье для производственных целей. К концу 80-м годов в СССР за годы советской власти объем промышленной продукции вырос в 200 раз, площади орошаемых земель в 5 раз, потребление воды жителями городов выросло до очень высокого уровня в 300 л на человека в сутки. В связи с этим изъятие воды из рек возросло в 8 раз - до 500 км в год. Это примерно 10% речного стока, из которых около половины возвращается в реки. Запасы воды вроде бы велики, но распределены они неравномерно - 80% потребности в воде были расположены в СССР на территории,

где сосредоточены 20% водных ресурсов. Таким образом, принципиальное отрицание перераспределения воды между бассейнами - полнейшая нелепость.

В кампании против "поворота рек" было не только умолчание об исторических корнях данной конкретной программы. Публике не напомнили самые исходные сведения о проблеме: важным моментом в возникновении всех цивилизаций на Земле было решение больших водохозяйственных задач, в том числе связанных с перераспределением воды в пространстве (начиная с перемещения воды от источника к жилищу). Дело в том, что ремесла и промышленность, а значит, большие поселения людей возникали на водоразделах - там, где обнажаются полезные ископаемые. Там же рождаются реки, но там еще мало воды, она собирается вниз по течению. Строительство водопроводов и каналов - первые в истории большие программы, в ходе которых и складывались государства и цивилизации. К роли таких программ в создании больших стран (как и к роли подрыва таких программ в разрушении больших стран) мы еще вернемся.

Что касается СССР, то в нем давно были созданы крупные водохозяйственные системы, они строились с XVIII века, так что к моменту кампании 80-х годов 60 км потребляемой в СССР воды перебрасывалось из других бассейнов. Если бы противники "поворота рек" стали проклинать и те каналы, к которым люди давно привыкли, то это насторожило бы публику, но они этого не делали. Так, канал Москва-Волга, построенный в 30-е годы, не только обеспечил надежное водоснабжение Москвы и Подмосковья (а это 16 млн. человек и мощная промышленность), но и соединил Москву водными путями с Балтийским, Белым, Азовским и Черным морями, позволил создать вблизи Москвы множество прекрасных зон отдыха. Представьте, что успешную кампанию против "поворота Волги" устроили бы в те годы и мы остались без этого канала.

Каков был смысл программы "поворота рек"? Известно, что Россия - холодная страна с самым северным в мире земледелием, где биологическая продуктивность очень невысока из-за низких температур и очень короткого лета. Поэтому освоение южных, теплых территорий всегда имело для нас критическое значение. Движение в конце XIX века в Среднюю Азию создало для этого замечательные предпосылки.

Биоклиматический потенциал земель бассейна Аральского моря при орошении в 6-7 раз превышал средние показатели по СССР. Это обусловлено высоким природным плодородием почв, теплым климатом и длительным вегетационным периодом, позволяющим во многих местах получать даже по два урожая. Пригодных для земледелия земель в аридной (засушливой) зоне этого бассейна было около 20 млн. га, из них использовалось с орошением 7 млн. При этом возможности водоснабжения за счет местных источников были исчерпаны полностью. Значит, доставка воды для орошения означала бы введение в оборот около 13 млн. га с таким биоклиматическим потенциалом, что это было бы эквивалентно 80-90 млн. га средних по СССР земель.

Поскольку в бассейне Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи имелось достаточно трудовых ресурсов для полного использования земли, переброска воды из Сибири дала бы возможность резко увеличить производство продовольствия. До этого весь бассейн Аральского моря и смежных областей засушливой зоны был уже полностью обустроен сетью ирригационных сооружений, так что на их создание больших затрат не потребовалось бы - дело было за нехваткой воды. Поставка воды дала бы рост производства именно продовольствия, поскольку до этого орошаемые земли Средней Азии отводились прежде всего под хлопчатник, что и позволило полностью решить проблему обеспечения хлопком всего СССР и СЭВ. Удивительно, но против прокладки канала из Оби выдвигались аргументы, которые, казалось бы, говорили о его дополнительной пользе. Так, А.Л.Яншин пишет: "Кроме того, забирая из Оби 27 км, этот канал будет отдавать 4 км городам Южного Урала, 7 км - на орошение убогих пшеничных полей

Казахстана". Чем же плохого - попутно дать воду нуждающимся в ней городам Урала и заодно сделать "убогие" поля плодородными? Таких странностей тогда не замечали.

Таковы факты, которых, в общем, никто и не опровергал - их просто замалчивали. Только тезис об исчерпании собственных водных ресурсов аридной зоны вызвал слабое возражение: надо, мол, поливать меньше. Хлопкоробы Средней Азии были представлены в печати какими-то идиотами. Они, дескать, тратят воды в три-четыре раза больше, чем надо. Были напечатаны расчеты Н.Глазовского, согласно которым на поливе можно сэкономить 44 км. То есть почти все, что забирается из стока в Аральское море! А.Л.Яншин восхищен: "Вот они, те 44 км, которых так не хватает Аральскому морю. Для их получения не нужны дорогостоящие переброски из Сибири". Как все просто - меньше поливать хлопок, меньше давать кормов скотине, меньше денег пенсионерам. Экономика должна быть экономной.

Правда, А.Л.Яншин делает замечательную оговорку относительно скудного полива: "Необходимо, однако, чтобы население Средней Азии поняло его значение". Да, московского интеллигента нетрудно оказалось убедить в том, что поливать растения вредно, а попробуй убеди хлопкороба. Утверждения, будто в Средней Азии можно было бы обойтись водами Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, никакими надежными данными не обосновывались. Да, в Европе перешли на более экономичное капельное орошение. Значит ли это, что и в Средней Азии можно было бы сделать то же самое? Никто прямо этого не утверждал, потому что специалисты обращали внимание на то, что в Средней Азии, в отличие от Европы, земли сильно засолены, из-за чего требуется обильный полив для промывки почвы.

Сам А.Л.Яншин пишет: "А на промывку хотя бы верхней части таких почв приходится тратить новые десятки тысяч кубометров воды, без чего урожайность хлопчатника и всех других культур была бы резко пониженной". Непонятно, как можно призывать сократить втрое норму полива - и тут же говорить, что обильно поливать приходится. Тот факт, что само поливное земледелие способствует засолению почвы, есть один из множества порочных кругов, вызываемых в природе хозяйственной деятельностью человека. Чтобы разорвать его, как раз и нужен был добавочный ресурс воды. Кроме того, даже в Европе переход от привычного арычного полива к капельному был огромным и трудным нововведением - сменой всей технологической системы, что потребовало больших средств и времени. Эти трудности никто из критиков в расчет не принимал.

Под давлением "общественности" 14 августа 1986 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР "О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек". Оно было встречено ликованием. Как пишет в "Независимой газете" Р.Баландин, работавший в 70-е годы главным гидрологом Аральской гидрогеологической партии, "в этом порыве оказались в одном лагере русофилы и русофобы, тогдашний генсек КПСС и крупные ученые, патриоты СССР и антисоветчики, прозападные активисты и приверженцы евразийской великой России... И еще информация к размышлению: США и Турция были против того, чтобы в СССР строили канал для подачи сибирской воды в Среднюю Азию. Это не отвечало их геополитическим интересам. В этом с ними оказались заедино на только наши "западнисты", но и "патриоты"!".

В 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, которое обязало за счет улучшения использования воды сбросить в 1990 г. в Арал 8,7 км. Это, конечно, не 44 км, но и этого добиться не удалось. Видимо, хлопкоробов уговорить не смогли, да и не до этого уже было - как раз начали жечь турок-месхетинцев в Ферганской долине. Демократическая общественность проснулась окончательно.

Из потока публикаций с середины 80-х годов создавалось впечатление, что именно экологи-перестройщики открыли проблему Аральского моря. Это не так, водный баланс Аральского бассейна изучался многими научными коллективами, и уже в 60-е годы было ясно, что без переброски воды из Сибири Аральское море как водоем обречено на высыхание - 30 млн. жителей, обязанные вести производственную деятельность, "выпили" наличную воду. Безвозвратное потребление воды (в основном на орошение) здесь достигло 70 км в год. Если в 60-е годы Аральское море получало за год около 56 км воды, то в 80-е только 4-5 км. В отдельные годы воды Сыр-Дарьи вообще не доходили до моря. Без переброски воды уже нельзя было не только использовать новые земли, но и сохранить производство и жизнеобеспечение людей на прежнем уровне.

В порядке лирического отступления замечу, как протекал день типичного интеллектуала - организатора кампании против "поворота рек". Утром, приняв хорошую ванну из переброшенной в Москву волжской воды, он садился писать статью или повесть, проклиная водохранилища, а вечером надевал рубашку из хорошего узбекского хлопка и шел на собрание, где протестовал против проклятой административно-командной системы, загубившей Аральское море. При этом он никогда прямо не говорил: "пусть узбеки не пьют воду и не умываются" или "пусть узбеки не выращивают хлопчатник, он нам не нужен". Этот интеллектуал - гуманист. И если бы кто-то попробовал лишить его ванны или хорошей рубашки, он поднял бы визг на весь мир. Ради этого можно и нужно перебрасывать воду и поливать хлопчатник, но сверх этого - ни-ни.

Кроме призыва *"меньше поливать!"* экологи предложили и второй способ разрешить проблему Арала - обустроить ирригационную сеть каналов, в которых из-за фильтрации теряется много воды. Что касается каналов и арыков Средней Азии, то даже А.Л.Яншин признает, что их невозможно все зацементировать (протяженность каналов только в Узбекистане 140 тыс. км.). Но у него есть рецепт, которого не знает командно-административная система. Он пишет: "Существует много других, более простых и дешевых способов полной изоляции водотоков, например, с помощью тонкой резиновой пленки, которую можно получать из старых брошенных автомобильных покрышек по методу, предложенному и разработанному академиком Н.Ениколоповым".

Надо же, есть много (!) простых и дешевых способов - а весь мир мучается, бетонирует каналы. И что за чудеса нам обещают академики перестройки - жить как в Швеции, а брошенные покрышки превратить в резиновую пленку, которую натянуть на все каналы. Хлестаков на фоне этих академиков выглядит рассудительным и ответственным ученым человеком. И ведь ни один химик или хотя бы шофер не возвал: уважаемые корифеи, вот вам старая покрышка, покажите, как из нее сделать тонкую резиновую пленку!

Но эти удивительные рецепты - лишь прикрытие главной идеи, которую и формулирует Л.А.Яншин: "резкое сокращение площадей, засеваемых хлопчатником" (он еще добавляет: "Конечно, было бы неплохо сократить также площади, засеваемые в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи рисом", но был бы рад хотя бы ликвидации хлопка). Какова же аргументация? Аргумент - типичный перл мышления перестройки: в Узбекистане, мол, урожайность хлопчатника всего 23 ц/га, а в США "хлопководство при урожайности менее 35-40 ц/га считается нерентабельным и не практикуется". Подумайте, при чем здесь США? Вот, в Кувейте себестоимость добычи барреля нефти 4 долл., а в России 14 - так что, нам и нефть не добывать (кстати, в действительности урожайность хлопчатника в 1990 г. в пересчете на волокно была в Узбекистане 8,4 ц/га, а в США 7,2 ц/га, но на то и новое мышление, чтобы можно было безнаказанно фантазировать).

Л.А.Яншин утверждает, что нам не нужен был хлопок (так же, как и сталь, удобрения и т.д.). Каковы же доводы? Вот, не надо экспортировать хлопковое волокно в СЭВ и Центральную Европу, т.к. они могут покупать хлопок в Египте. Допустим, так. Но разве экспорт волокна (в отличие от сырой нефти это продукт весьма высокого передела) только в интересах покупателя? Разве нам не нужны были лекарства, оборудование и дамские сапоги, что мы покупали за хлопок? Да и весь экспорт составлял урожай с 6% хлопковых полей Узбекистана, это же дела не решало. Другая "порочная" потребность в хлопке, которую Л.А.Яншин предлагал прикрыть - изготовление из хлопка взрывчатки, поскольку "сейчас международная обстановка изменилась к лучшему" и порох нам не нужен.

Таков уровень аргументации у самого ученого и ответственного противника "поворота рек", занимавшего важный пост в Академии наук СССР. Как ни странно, сегодня уже невозможно вспомнить аргументы против того, чтобы взять из Оби для Средней Азии небольшую часть водостока. Л.А.Яншин вроде бы печется о 18 млрд. руб., в которые должно было обойтись строительство канала (печется в 1991 г., когда уже за бесценок распродавались заводы и порты). Но академик - эколог, пусть бы он сказал от имени своей науки, а не экономики. Обь выносит в океан 410-450 км воды в год, а в первой очереди программы предполагалось взять из нее для переброски в Среднюю Азию 27 км - менее 7% стока и меньше его годовых колебаний (как говорится, величина меньше "ошибки опыта"). Никакого вреда изъятие такого количества воды бассейну Оби не нанесло бы. Сейчас водопотребление в бассейне Оби очень невелико, люди сейчас берут для своей жизни и производства всего 1,3% стока. Так что ни реку, ни живущих около нее людей переброска воды на Юг не обделила бы. Напротив, она была бы во многих отношениях полезна. Кстати, в 1990 г. отбор воды из Оби был на 70% больше, чем в 1997. Из одного этого видно, насколько угасла жизнедеятельность в результате реформы.

Всем известно, что Западно-Сибирская низменность - зона избыточного увлажнения, во время половодья воды Оби широко разливаются, заболочивая местность. Собрать весной часть этих вод, как предполагалось, в водохранилище, чтобы подать на Юг, означало бы значительно улучшить условия для сельского хозяйства и повысить продуктивность лесов. Такая мелиорация зон с избыточным увлажнением позволила создать в Прибалтике высокоэффективное хозяйство. Почему было не сделать то же самое в Западной Сибири, передав обременяющий избыток воды туда, где он стал бы ценнейшим сокровищем? Эти вопросы задавать не разрешалось.

В программе переброски воды из Оби отмечено, что дополнительный эффект возникает оттого, что периоды максимального стока в Сибири и в Средней Азии разделены во времени. В Сибири - весной, в момент таяния снегов, а на Юге летом - при таянии ледников. Таким образом, одновременно производится маневр в пространстве и времени.

Большие программы и большая страна. Народы собираются в большие страны и охраняют их целостность лишь в том случае, если это дает им существенные преимущества в хозяйстве и безопасности. Понятия братства народов и общей исторической судьбы вырабатываются как идеологические обоснования, ради легитимации политического выбора, оправдания некоторых неизбежных неудобств от пребывания в многонациональной стране.

Большие программы, то есть создание крупных, в масштабе страны, технических систем, служат одним из важнейших механизмов получения народами выгоды от объединения за счет "кооперативного эффекта". Именно большие системы скрепляют страну. Например, отмечалась роль созданной монголами почты (системы ямских станций) в скреплении такой разношерстной и необычайно обширной евразийской империи, которая возникла при Чингиз-хане. Очевидно и значение для объединения

Китай строительства огромной военно-оборонительной системы - Великой китайской стены. В Индии народы целого субконтинента соединились благодаря строительству и поддержанию единой системы ирригационных сооружений, обеспечивших продовольственное благополучие.

Для России как империи всегда были важны большие государственные программы, в частности, транспортные и почтовые. Была улучшена и много веков поддерживалась унаследованная от монголов ямская почтовая система, позже государство стало строить каналы и большие железные дороги. В советское время было завершено создание единой транспортной системы, в том числе авиасообщений, затем единой энергетической системы. Разрабатывался и план огромной водохозяйственной системы, частью которого и был проект "поворота рек". Большие системы связывают страну тем, что обеспечивают перемещение в пространстве людей, материалов, энергии и информации. Это всем выгодно, и это делает для каждого человека полезным и важным каждый кусочек страны.

Отсюда ясно, что разрушение больших стран всегда сопряжено с попытками разрушить, расчлнить, парализовать связывающие их большие системы. Когда англичане захватили Индию, очень развитую по тем временам страну, не знавшую голода, они первым делом уничтожили большую ирригационную систему, поддержав сепаратизм князьков и добившись отката назад в государственном устройстве - к раздробленности, при которой большая оросительная система не могла существовать. То же самое мы наблюдали в конце 80-х годов в СССР, а сегодня в России.

Когда разделили Аэрофлот на рой мелких компаний, главный удар был направлен на целостность России, просто гиря была завернута в полотенце. Такова же главная цель непрекращающихся попыток расчлнить Газпром, РАО ЕЭС, единую железнодорожную сеть. Помимо организационного расчленения, эти системы удушаются экономическими средствами. Самолеты и сеть аэропортов уже не так плотно связывают страну, как раньше - число пассажиров внутренних линий снизилось в пять раз. Практически прекратился обмен письмами и телеграммами между частными гражданами. Уже с Урала в Центр невозможно везти лес - транспортные тарифы сделали его недоступным. Люди не отдают себе отчета в том, чем угрожает им утрата всех этих систем, "образующих страну". Такая нечувствительность во многом вызвана анестезирующим воздействием идеологической обработки. Большие системы не нужны! Они - плод гигантомании самоедской плановой экономики! Вот типичные тезисы, которые вбивались людям в головы.

Кампания против создания большой водохозяйственной системы Обь-Арал была доведенным до совершенства политическим спектаклем, проведенным уже при явной поддержке власти. Но внушение ненависти к большим программам началась гораздо раньше, это уже было одной из частных кампаний "шестидесятников". Помню, между 1963 и 1966 г. послали меня на семинар комсомольских секретарей московских НИИ, на какой-то турбазе. Я был всего-то член бюро, но ехать на неделю никто не хотел и послали меня. Много было интересного - водка, откровенные споры по ночам, я впервые попал в молодую "политическую элиту" и слушал все с удивлением. Меня поразило именно это - непонятная и уже довольно развитая, зрелая злоба по отношению к большим советским программам, включая космическую. Рассказы о неудачах и авариях, о которых не сообщалось в газетах - с каким-то странным злорадством. Чувствовалось, что в нашей большой и, в общем, дружной компании возник невысказанный раскол. Большинство как-то замкнулось и слушало такие разговоры с каменными лицами.

Особенно запомнился один разговор, который мне помог укрепиться в способе рассуждений. Группа ребят из АН СССР завела разговор о глупости Хрущева, который якобы принял нелепое решение о строительстве Братской ГЭС, совершенно ненужной

в глухой тайге, да еще велел тянуть от нее ЛЭП какого-то сверхвысокого напряжения. Говорили они веско, с большим апломбом, да и ругать Хрущева было тогда в кругах интеллигенции признаком хорошего тона. И вдруг какой-то парень, долго молча слушавший, сел на койке и сказал: "Вы говорите, как знатоки, а ведь не знаете элементарных вещей. А может, не понимаете. Братская ГЭС дала большое количество энергии с очень дешевой себестоимостью [он назвал ее]. Без нее мы бы не смогли обеспечить себя алюминием. Построив ЛЭП от Братска, мы получили единую энергосистему. В стране, растянутой по долготе, это дает огромную выгоду. Братская ГЭС распределяет энергию по часовым поясам, снимая пиковые нагрузки по всей стране, особенно в Центре. Над проектом ГЭС и всей системы работала сотня НИИ, так что Хрущев здесь не при чем". Он сказал это коротко, спокойно, с цифрами. И всех поразило, что группа уверенных в себе критиков Братской ГЭС не ответила на это ни слова. Замолчали, и видно было, что им нечего сказать. Вот это многих проняло, видно было по лицам. Как же так! Почему вы не спорите? Выходит, вы публично выносите приговор огромной, общенародного масштаба программе - и не задумались о простых вещах? А мы вас слушаем, хлопаем ушами.

Тот парень был энергетик, из отраслевого НИИ. Но дело не в этом, а в том, что он не постеснялся выступить против господствующего мнения. Видно было, что ему плевать на это мнение. Как не хватало таких людей в годы перестройки!

Сегодня, обобщив все, что мы увидели за десять лет, становится понятно то, о чем не догадывались в середине 80-х. Дискредитация проекта "поворота рек" наносила сильнейший удар по самой идее единого народнохозяйственного комплекса, а затем и идее существования СССР как целостного единого государства. В этой кампании уже просматривалась идея регионального суверенитета над природными ресурсами, которая затем была утверждена в Декларациях о суверенитете, узаконивших роспуск СССР. Эта кампания прямо разрушала идею общей исторической судьбы народов СССР - прежде всего во взаимоотношениях РСФСР и Средней Азии.

Почему народы Средней Азии вошли в состав России практически добровольно? В частности и потому, что это обещало очень выгодное для обеих сторон соединение ресурсов - земли, солнца, труда и воды. Это было настолько очевидно, что даже киевский гимназист составлял проекты переброски сибирской воды в бассейн Аральского моря. Для собирания рассыпанной либералами Керенского России тоже было очень важно заявить, что проект будет осуществлен. До 80-х годов и практика, и официальная идеология укрепляли эту уверенность. В какой-то степени "в кредит" под будущую воду узбеки и туркмены всю свою наличную воду пустили под хлопок, который затем вывозился в Центр России. И вдруг - шумная кампания с криками "Не дадим воду!". Кампания, возглавленная элитарной интеллигенцией и явно поддержанная верхушкой КПСС. Нетрудно представить, как она была воспринята в массовом сознании народов Средней Азии. Идейная основа СССР треснула. В кампании против "поворота рек" уже зрел зародыш беловежского сговора.

Р.Баландин пишет (в 2000 г.!) о той программе: "Никому из огромной "антиканальной" братии почему-то не пришла в голову мысль о геополитическом значении водной артерии Сибирь-Казахстан-Средняя Азия и ее огромной экономической выгоде для страны... Никакой экологической беды Сибири это бы не принесло, но, безусловно, сплотило бы общими интересами Россию, Казахстан и Среднюю Азию".

Кстати, он сообщает полезные фактические сведения: "В той же Индии, не говоря уж о США, строят гораздо больше каналов, чем даже в былом Советском Союзе (о нынешней России говорить не приходится)... И еще одна геополитическая и политэкологическая новость: Международный банк дает деньги на проработку варианта переброски в Среднюю Азию воды... из Индии".

Удивительно, что последующие годы и бедствия, которые должны были бы привести к прозрению, мало чему нас научили. Умер С.Залыгин, один из зачинателей той кампании. И что же? Она опять ставится ему в громадную заслугу. Можно было умолчать - нет, вспомнили как подвиг и большой успех. Так же будут прославлять академиков-экономистов, которые под крики о "конверсии" угробили замечательный военно-промышленный комплекс, потом Чубайса, наконец-то удушившего энергетику. И при этом проклинать Бжезинского, который констатирует расчленение России, каждый акт которого мы наблюдаем с апатией, а то и аплодисментами.